

Как только кортеж императрицы уехал, Жун Цзянь тоже встал, собираясь уйти, и сказал:

— Сегодня я болен, поэтому не буду принимать господина Сюя. Пожалуйста, почувствуйте себя как дома.

Он сделал паузу и продолжил:

— В боковом зале не топят, поэтому вам лучше выйти во двор и погреться на солнце.

Сюй Яо указал на угольную жаровню:

— Но здесь же...

Его слова были прерваны восклицанием Сы Фу, который тут же упал на колени, извиняясь:

— Я случайно опрокинул чай и залил угли.

Жун Цзянь стоял у двери, его лицо было повернуто в сторону, и солнечный свет, падающий на него, придавал его лицу холодное выражение, когда он небрежно сказал:

— Вы согласны, господин?

Сюй Яо не понимал, что случилось с его обычно мягкой и дружелюбной двоюродной сестрой, но на мгновение был ошеломлён и смущённо согласился.

Выйдя за дверь, Жун Цзянь приказал тётушке Чжоу:

— Пусть ворота остаются открытыми, чтобы все могли видеть, что делает господин Сюй. И найдите несколько человек, чтобы следить за ним, но не разговаривать с ним, просто оставьте его в покое.

Итак, господин Сюй провёл на улице почти полчаса. Он пришёл навестить двоюродную сестру, одетый элегантно и легко, и теперь, под холодным ветром, у него текли сопли, а вокруг стояли молчаливые слуги. Сюй Яо чувствовал себя как на иголках и в конце концов с позором вернулся во дворец Цынин.

*

После того как он избавился от Сюй Яо, Жун Цзянь снял украшения и снова заснул.

Проснулся он уже после полудня.

Солнце освещало дворец Тайпин, в комнате горел уголь, и было действительно тепло, но солнечный свет давал естественное ощущение комфорта, которого не мог дать уголь.

Жун Цзянь любил солнце, и когда он находился под его лучами, он чувствовал, что действительно жив.

С этой мыслью он набросил на себя верхнюю одежду и открыл окно.

Перед окном качалось вечнозелёное дерево османтуса.

С его бдительностью Жун Цзянь никогда бы не заметил человека, скрывающегося в дереве, если бы его не предупредили.

Мин Е тихо сидел на дереве и молча наблюдал за ним.

Жун Цзянь, казалось, очень любил солнце, и когда он открыл окно, солнечный свет хлынул внутрь. Он посмотрел на небо, возможно, свет был слишком ярким, и он закрыл глаза, положив голову на руки. Лента, скрепляющая его волосы, была завязана неплотно, и большая часть волос рассыпалась, как облако, покрывая его лицо и руки. Жун Цзянь ни о чём не заботился, он был как маленькое мягкое существо, свернувшееся калачиком, наслаждающееся тёплым солнцем, и ему не нужны были никакие богатства или власть, чтобы чувствовать себя счастливым.

Через некоторое время в комнате раздался шум — это тётушка Чжоу принесла лекарство.

Едва оно появилось, Жун Цзянь почувствовал ужасный запах и чуть не потерял сознание, но сделал вид, что ничего не произошло, и сказал:

— Тётушка, лекарство, кажется, слишком горячее, дайте ему остыть, я выпью его позже.

В последние дни, пока Жун Цзянь болел, тётушка Чжоу постоянно находилась рядом с ним, и все дела во дворце накопились, теперь, когда ему стало лучше, она была занята до предела.

Увидев, что Жун Цзянь выглядит нормально, она не заподозрила ничего и, поставив чашу с лекарством на столик, напомнила:

— Не забудьте выпить его, ваше высочество.

Жун Цзянь небрежно, с лёгкостью ответил:

— Хм.

Его актёрское мастерство достигло пика.

Как только шаги тётушки Чжоу затихли, Жун Цзянь, зажав нос, отнёс чашу с лекарством на самый дальний стол, а затем вернулся к окну, чтобы вдохнуть свежий воздух.

Пить лекарство он не собирался, никогда.

Жун Цзянь с уверенностью думал, что он сейчас в подростковом возрасте, и его тело в порядке; небольшая температура, которая уже прошла; Чжуцюань, чья основная профессия — монах, а подработка — народный врач, кто знает, что он мог прописать. Хотя последний аргумент был чистой воды клеветой, Жун Цзянь это понимал. Но в итоге он пришёл к выводу, что ему совершенно не нужно пить это лекарство, которое, казалось, могло унести его в мир иной.

Лучше вылить его, пока тётушка Чжоу не видит.

С этой мыслью Жун Цзянь снова взял чашу и подошёл к окну, но не для того, чтобы выпить, а чтобы протянуть руку —

Он собирался совершить маленькое злодеяние.

Неожиданно ветка османтуса поддержала его запястье.

Жун Цзянь вздрогнул, и на этот раз он действительно чуть не уронил чашу.

В одно мгновение его рука слегка разжалась, и чаша оказалась в руках другого человека. Рука того была твёрдой, и даже в такой ситуации ни капли лекарства не пролилось.

Жун Цзянь замер на месте, не понимая, что произошло.

Его запястье было белым, как снег, на фоне тёмно-зелёных листьев османтуса, словно драгоценный камень, обрамлённый нефритом, создавая картину совершенной красоты.

Мин Е стоял за окном, его высокая фигура слегка наклонилась, не заслоняя солнечный свет, падающий на Жун Цзяня, и сказал:

— Ваше высочество, сколько вам лет, что вы собираетесь тайком вылить лекарство?

Жун Цзянь замер, поднял голову и посмотрел на Мин Е.

После последней встречи на плацу это был первый раз, когда Жун Цзянь снова видел Мин Е.

Он забыл обо всём, даже о лекарстве, и высоко поднял голову, словно хотел внимательно рассмотреть человека перед собой.

Затем Жун Цзянь нахмурился и серьёзно спросил:

— Они тебя обидели?

Репутация Цзиньивэй была ужасной, они были приспешниками императора и всегда смотрели на людей свысока. Жун Цзянь боялся, что Мин Е, как простой стражник, мог подвергнуться издевательствам.

Мин Е не смог сдержать улыбку.

Фань Жуй, умерший в муках, Фэй Шичунь, который боялся спать из-за кошмаров, Мэн Буто, который держал саблю, но боялся порезаться, — никто из них не считал Мин Е слабым или уязвимым.

Возможно, во всём мире только Жун Цзянь считал, что Мин Е могут обидеть, и задавал этот вопрос с такой серьёзностью и уверенностью.

Мин Е спокойно сказал:

— Цзиньивэй обращались со мной очень вежливо.

Жун Цзянь всё ещё не верил и продолжал:

— Вчера я должен был прийти к вам с визитом, но был слишком уставшим и не пришёл.

Жун Цзянь с пониманием кивнул:

— Ты так сильно поработал, убив ту бешеную лошадь, конечно, ты вымотался, тебе нужно больше отдыхать.

Мин Е поднял на него взгляд, медленно сказав:

— В таком случае, раз ваше высочество болеет, вам тоже стоит принять лекарство.

Жун Цзянь...

Можно ли не поднимать эту тему?

Он чувствовал, что ему просто не повезло, что он встретил Мин Е в самый неподходящий момент, если бы он вылил лекарство чуть раньше, ничего бы не произошло.

Теперь, когда за ним наблюдали, вылить лекарство, казалось, было невозможно.

Жун Цзянь отчаянно сопротивлялся:

— Я уже выздоровел, и лекарство слишком горькое, кто захочет его пить!

Мин Е, опустив глаза, поднял чашу с уже остывшим лекарством, поднёс её ко рту, не касаясь краёв, и выпил половину, прежде чем поставить её обратно на подоконник.

Жун Цзянь, увидев, что его выражение лица не изменилось, сначала подумал, что лекарство действительно не горькое, а затем заподозрил, что Мин Е просто хороший актёр, и решил, что, как бы тот его ни уговаривал, он всё равно не будет пить.

Разве Мин Е мог осмелиться силой заставить его?

На губах Мин Е осталось несколько капель лекарства, и он мягко сказал:

— Лекарство действительно горькое.

Жун Цзянь опешил, почему этот человек не следует шаблону.

Мин Е продолжил:

— Но если я пью вместе с вашим высочеством, становится легче, правда?

Жун Цзянь был застигнут врасплох и смущённо пробормотал:

— ...Возможно.

Мин Е, опустив глаза, улыбнулся:

— Лекарство остыло, и его эффект слабее, чем когда оно горячее. Пусть тётушка Чжоу приготовит ещё порцию, и тогда я выпью оставшуюся половину, хорошо?

Ещё пить?

Жун Цзянь слегка нахмурился:

— Лекарство в любом случае ядовито, ты же не болен, не пей. Не нужно использовать такие методы...

Мин Е положил руку на подоконник, на безопасном расстоянии от Жун Цзяня, и спокойно сказал:

— Я не боюсь горечи, а ваше высочество боится, поэтому для меня пить лекарство — не мучение, а мой способ принудить вас, и это моя вина.

Жун Цзянь, увидев его искренность, был тронут и решил ответить ему тем же, с благородством

сказав:

— Это нельзя считать принуждением! Тогда я тоже выпью.

Он даже не заметил, как, будучи неопытным современным человеком, он без всякой осторожности попал в ловушку, расставленную Мин Е.

Итак, Жун Цзянь тут же позвонил в колокольчик, вызвав служанку, и сказал, что лекарство остыло, и нужно принести новую порцию. Также он добавил, что всё ещё очень устал и, вероятно, проспит весь день, и чтобы никто не входил.

Когда новое лекарство принесли, и его горечь снова заполнила комнату, Жун Цзянь наконец понял, что что-то не так.

Он с недоумением подумал, что ведь он же не собирался пить, как же так получилось, что Мин Е, даже не угрожая и не предлагая взятки, всего несколькими словами заставил его добровольно выпить?

<http://bllate.org/book/16310/1471522>